

С. В. Карпушенко, младший научный сотрудник

О МУНДИРНОМ ДОВОЛЬСТВИИ РУССКИХ АРТИЛЛЕРИСТОВ В СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ 1700—1721 г.

По истории Северной войны имеется богатая литература: основательно изучен вопрос создания регулярной русской армии и флота и их участия в боевых операциях. Известны ход военных действий и состояние технического обеспечения армии, проведен анализ социального происхождения некоторых категорий военно-служащих, написаны биографии видных военных деятелей петровских преобразований. Что же касается сферы обеспечения русской армии предметами обмундирования, то следует отметить, что этой проблеме внимания уделялось недостаточно¹. Объясняется это в основном крайне узкой документальной базой. Между тем небезынтересно узнать об условиях и способах наделения военнo-служащих мундирами и о сроках их носки (нормативных и реальных), некоторых особенностях изготовления, степени обеспечения солдат воинской одеждой, о составе ее полного комплекта.

Использование документальных материалов, отложившихся в результате деятельности Приказа артиллерии, ведавшего в течение первых двух десятилетий XVIII в. снабжением этого рода войск, дают нам сегодня возможность восполнить ряд черт в одежде русского солдата эпохи Северной войны и познакомиться с системой обеспечения мундиром петровских артиллеристов. Описание процесса снабжения военнo-служащих мундиром позволит в то же время очертить и деятельность отечественной легкой промышленности, которая в чрезвычайных условиях военного времени решала труднейшую проблему изготовления принципиально новой воинской одежды для огромной по тому времени русской армии.

В качестве дополнения к вышеназванным материалам автором были привлечены и документы Кабинета Петра I, Военной коллегии и Комиссариата.

Итак, снабжение одеждой рекрут начиналось задолго до их появления в воинских частях. Уже в 1696 г. при доукомплектовании Преображенского полка издается указ, требующий от помещиков, «дававших» рекрут, обеспечивать новобранцев полным комплектом одежды, необходимой для благополучной доставки их

к месту назначения. Это было обычное крестьянское платье: сапоги, рукавицы, онучи, шапка, рубаха и портки². Кроме того, семейных снабжали платьем, предназначенным для выдачи членам семей: «...жепам их по сарафану, по шубе одеваемой, по башмакам, по чулкам, по две рубашки человеку, детям их платье ребячье»³. Во избежание недоразумений, передача необходимой рекруту одежды заверялась расписками с обеих сторон.

Позднее, в 1705 г. комплект рекрутской одежды лишается некоторых предметов. Теперь помещики выдавали рекруту сермяжный кафтан на год, шубу на два года, а за шапку, рукавицы, чирюхи и за рубаху давалось деньгами по рублю в год⁴. Столь длительные сроки службы рекрутской одежды были явно завышены: рекрут дозволено быстро становился полноценным солдатом и получал строевой мундир наравне с другими.

Необходимость одеть новобранца в воинскую одежду еще до появления его в полку и таким образом сократить траты на обмундирование вынуждает правительство в 1711 г. обязать помещиков снабжать «даточных» кафтаном и камзолом, называя этот комплект мундиром⁵.

В 1712 г. рекрутский мундир пополнился галстуком. При этом по-прежнему помещиком выдается шуба, обувь и белье⁶.

С 1714 г. подобные дачи прекращаются, а функции по обеспечению рекрута форменной одеждой переходят к губернским административным органам. Однако качество изготавливаемого в губерниях рекрутского мундира оказалось низким. А. Д. Меншиков писал по этому поводу: «Понеже со всего государства собирают всегда на мундир рекрутам денег немалое число, а мундиру, ниже тем денгам, лица не видеть, которыми, чаю, корыстуются в губерниях, а на которых и делают в губерниях мундир, тот самой плохой»⁷.

Заготавливаемый в губерниях мундир представлял из себя «токмо красную шапку да серой кафтан с прорехою»⁸, что, разумеется, не удовлетворяло полковое начальство, в ведение которого поступал рекрут. Приходилось заменять эту одежду обычной строевой, что вело к дополнительным расходам. Стремясь предотвратить бесполезные траты на изготовление недоброкачественного обмундирования, А. Д. Меншиков в 1714 г. предложил собранные на рекрутский мундир деньги отсылать в государственные учреждения, «а мундиру на рекрут в губерниях не строить, а приводить их к армиям в мужицком платье»⁹.

Не менее серьезной причиной, заставлявшей отказаться от снабжения рекрут мундиром до привода их в полки, явились частые побеги новобранцев, совершавшиеся ими с выданными вещами на пути следования к месту службы.

Возможно, уже само обладание мундиром, обычно вскоре продававшимся, давало повод к побегу. Об этом свидетельствуют допросы пойманных рекрут, на которые ссылался Поместный приказ, обращаясь в Сенат за разъяснением, из каких источников

пополнять недостающие у новобранцев предметы обмундирования, которые были проданы или утеряны «в бегах». Сенат указал: «Тем, кто будучи в бегах, мундир потеряли, давать мундир тот, который остается после беглых же и умерших рекрут»¹⁰.

К концу Северной войны было окончательно решено отказаться от выдачи рекрутам форменной одежды в местах сбора. В 1719 г. в справке, поступившей в Приказ артиллерии из Комиссариата, сообщалось, что «мундир выдается рекрутам с того числа, как в полки определены бывают»¹¹.

По существовавшему положению обеспечение мундиром генералитета, штаб- и обер-офицеров ложилось на них самих. У нижних же чинов для приобретения мундира покупкой или для его изготовления производился предварительный вычет из их месячных окладов.

О том, что вычет из жалованья артиллерийских служителей производился «наперед», в 1718 г. говорится, как о повсеместно существующем правиле¹², а вовремя собранные деньги обеспечивали и своевременное изготовление обмундирования. «О вычетах денег,— писал генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс дяку Н. Павлову,— что наперед вычитано у пушкарей за строевое платье и обувь... прикажи справитца, и что тех денег по справке, вели беречь и ни на какие расходы не давать, для того, на те денги платье будет делано»¹³.

Размер вычетов у артиллеристов равнялся 8 алт. 2 д. в месяц, или 1 р. 16 алт. 4 д. в год, однако эта величина часто менялась, и вся система вычетов приобретала довольно сложный характер. В Санкт-Петербурге, например, на мундир отдавалось по 2 р. 13 алт. 2 д. в год с человека, а в Москве и в Туле в казне оставалось по 1 р. 16 алт. 2 д.¹⁴ В Кексгольме на дело «мундиронга» было приказано вычитать всего по 25 алт. в год¹⁵. В пехотных полках высчитывали по 5 р. 10 алт. 4 д., а в драгунских по 6 р.¹⁶ за весь комплект.

Подобное различие обуславливалось рядом причин, одной из которых являлась разная стоимость мундирного комплекта, что, в свою очередь, определялось качеством использованных при пошиве материалов. Например, мундир по первой «статье», имевшийся у киевских гарнизонных служителей, включал кафтан темно-зеленого «бенклевого» сукна с обшлагами красного цвета, подбитый красной яренкой (подкладочная ткань) с посконной подкладкой и медными пуговицами. Камзол шился из красного «шиптухового» сукна с посконным подбоем и также имел медные пуговицы. Мундир дополняли штаны из козлиной кожи.

Употреблялись мундиры и более низкого качества изготовления: «средней и меньшей статьи», сшитые из дешевого сукна отечественного производства, «белой абы» и имевшие пуговицы, «которые свинцом налиты», или просто отливавшиеся из свинца. Стоимость мундиров соответственно была: 3 р. 20 алт. 1/4 д., 3 р. 4 алт. 3 д. и 2 р. 12 алт. 5 д.¹⁷

Разница в стоимости мундиров обязательно сказывалась на размерах вычетов, но различие могло обуславливаться еще и тем, что у некоторых категорий военнослужащих отдельные предметы обмундирования отсутствовали. Далеко не все гарнизоны снабжались камзолами, а зачастую и епанчами. Так, в 1717 г. было принято решение о пошиве артиллерийским служителям большой партии епанчей. При этом вычет увеличился на 3 алт. 2 д. в месяц, а в год «на строение мундиронга» стали брать 4 р. 20 коп., снабжая еще и кафтанами, камзолами, суконными картузами, штанами из лосиной кожи и сапогами¹⁸.

В свою очередь, галстук и нижнее белье артиллеристы были обязаны покупать на свои «жалованные» деньги. Объяснялось это следующим образом: «Понеже оные за тем вычетом его государева жалованья имеют получать против солдацкого болши»¹⁹.

В том случае, если после пошива мундира оказывалось, что в дело пошли не все собранные деньги, «смотря по остаткам» они могли раздаваться военнослужащим поровну или вновь употребляться в мундирное дело, и тогда за построение нового комплекта одежды размер вычета понижался²⁰. Чаще всего на остаточные деньги заказывались предметы мундира, заменявшие вышедшие из употребления раньше срока или заготовлявшиеся на смену (например, белье).

Таким образом, при различных размерах вычетов, неравных окладах в пределах одного чина²¹ и между окладами военнослужащих разных категорий остававшиеся по расчету за мундир личные денежные средства значительно различались между собой.

Приказ артиллерии оставлял за собой право варьировать систему денежных вычетов. В некоторых случаях обмундирование высылалось прежде, чем собирались суммы, необходимые для погашения затрат на приобретение мундира. Так, в 1706 г. в Киев отправили воинское платье на 460 артиллеристов на сумму в 3243 р. По раскладке на каждого «довелось» по 7 р. 1 алт. 4 д., которые вычитались в этом случае в ускоренном порядке, и размер месячного вычета превышал обыкновенный²².

Стоимость унтер-офицерского мундира превосходила цену воинской одежды рядовых, что объяснялось наличием золотых галунов. Однако к концу войны это различие устраняется, что, по-видимому, было вызвано необходимостью ликвидировать излишние траты на изготовление мундира. Так, в 1719 г. унтер-офицерам Лефортовского полка, купившим в Мекленбургии позумент для своих мундиров, потраченные деньги были возвращены полковым начальством, получившим распоряжение: «Впредь в мундирных канцеляриях унтер-офицерам мундир с позументом не делать и на позумент против рядовых излишних денег не вычитать»²³.

В комплект воинской одежды артиллеристов входили: кафтан, камзол, штаны, епанча (с 1717 г.), башмаки и сапоги, галстук, шляпа или картуз, чулки, белье (портки и рубахи) и в ряде случаев шубы, шапки и рукавицы.

Документы Приказа артиллерии дают подробную картину заготовки мундиров для артиллерийских служителей, проблема обеспечения которых решалась Приказом самостоятельно, в то время как одежда на пехотные и драгунские полки изготовлялась в Мундирных канцеляриях. Автономная деятельность Приказа артиллерии требовала самостоятельности в деле подряда или покупки готовых предметов обмундирования, в поиске мастеров по изготовлению одежды и обуви, в заключении договоров на поставку сукон с русскими и иностранными торговыми людьми.

В 1704 г. Приказ артиллерии закупил на мундиры бомбардирам и пушкарям 5847 аршин коричневых и красных английских сукон и 2153 аршина любских, по цене 17 алт. 4 $\frac{1}{2}$ д. за аршин²⁴. На приклад пошло 83 аршина сукна василькового (на обшлага и воротники). Но уже в 1707 г. при пошиве новой партии артиллерийского мундира пришлось встретиться со значительными трудностями при заготовлении сукна. «В рядах у иноземцев ни у кого не сыскано,— доносили Я. В. Брюсу из Приказа артиллерии,— для того, у кого такие сукна и были и те выбраны наперед сего в разные приказы и в канцелярии на дело строевого ж платья драгунам и солдатам»²⁵.

Затруднение в деле приобретения необходимого количества сукна вело к тому, что цвет мундиров менялся при построении новой партии. Например, в том же 1707 г. Я. В. Брюс отдает распоряжение Приказу артиллерии купить на «апшлаг» синих или желтых сукон²⁶, вместо василькового, использованного в 1704 г., а коричневое сукно теперь полностью заменяется красным, которого купили у англичанина Андрея Стельса на 5000 р., отдав по семи гривен за аршин.

Позднее на дело артиллерийского мундира идет и лазоревое сукно, которое большими партиями (по 5000 аршин), наряду с красным, покупалось у английского купца Андрея Ачкина по 6 гривен за аршин²⁷.

Документы свидетельствуют: насколько мало при покупке материала обращается внимания на цвет сукон, шедших на камзолы, обшлага и воротники, настолько придирчиво относились к качеству приобретаемого материала. От Приказа артиллерии на торги и ярмарки командировались специалисты-сукноделы, чтобы «прежде приему оценить по самой сущей правде и почему аршин, как лучше против обрасцов и ниже обрасца стоят». Из сукон, качество которых определялось стоящим ниже «обрасца», мундиры не делались²⁸.

В 1719 г. торговые люди, оценивавшие сукна Андрея Ачкина в присутствии его «кореспондента» Ивана Ризмана, назначили цену васильковым сукнам 20 алт. за аршин, а красным — по 18 алт. 2 д., сказав, что «болши той цены те сукна истинную правду не стоят»²⁹.

Во избежание возможной усадки в готовом изделии, сукна мочились, а потом отдавались закройщику, который получал

по 3 алт. 2 д. за раскрой комплекта из кафтана, камзола и штанов³⁰. Полная стоимость пошива, включая, видимо, и закрой, стоила 5 алт. за кафтан, 2 алт. 4 д. за камзол и 8 д. за штаны³¹.

При пошиве мундира исходили из установленной нормы сукна, требующегося для его изготовления. Мундиры, между тем, шились различного размера, что вело к появлению прикроя, который по существовавшему положению поступал в распоряжение нижних чинов. В 1708 г. после изготовления мундира на 760 артиллеристов суконных «лоскутьев» было продано на 102 р. 13 алт. 2 д.³²

На каждый кафтан полагалось пуговиц по 2 портища (дюжины) и еще две, а на камзол по портищу с десятью³³. Несмотря на различные размеры мундиров, которые шились «большой, средней и меньшей рук», количество пуговиц на них оставалось равным³⁴.

Пуговицы кафтанов были больше камзольных и поэтому различались ценой. В 1714 г., покупая большую партию пуговиц к артиллерийскому мундиру, заплатили торговому человеку «пуговишного ряда Кошелной слободы» Григорию Евтихееву по 4 алт. за портище медных кафтанных пуговиц, а за камзольные — 2 алт. за портище³⁵.

На подкладку шла крашенина по цене 20 алт. за 100 аршин, которая использовалась для кафтанов, а камзолы подкладывались холстом³⁶. В стоимость готового мундира включались деньги, пошедшие на различные второстепенные расходы: на покупку ниток, сальных свечей и «за иные мелкие статьи».

Мундир изготовлялся вольнонаемными мастерами, но известно, что в пошиве воинской одежды принимали участие солдаты и рекруты, определенные специально для этой цели. Выбор военно-служащих не был произвольным. Ему предшествовало выяснение, не занимался ли солдат или рекрут портновским делом до военной службы. В 1714 г. был объявлен указ, спрашивать у набранных рекрут, «кто из них умеют портному и сапожному мастерствам, и отсылать таких в военную канцелярию к строению мундира»³⁷. Портные из солдат получали жалование по 16 алт. 4 д. и хлебом по пол-осмине (29 кг) в месяц или по желанию «за тот провиант денгами по торговой цене»³⁸.

Использовать дешевый солдатский труд было куда выгоднее, чем прибегать к услугам профессиональных мастеров, однако степень участия последних в деле изготовления больших партий воинского платья являлась определяющей. В 1710—1712 гг. группой портных мастеров (121 человек) было пошито 12552 кафтана, 9353 камзолов, 15879 епанчей и 1550 картузов³⁹.

Весь процесс изготовления обмундирования от мочки сукон до шитья проходил под надзором специально назначенных офицеровских чинов и «ис купечества посацких людей». В мае 1709 г. адъютанту Милославскому было поручено находиться в Москве и тщательно наблюдать за «постройкой» 700 шляп, ввиду того, что «пушкарям мундиронг зело плох»⁴⁰.

Желание подвергнуть изготовление мундира еще более жесткому контролю вызвало к жизни указ о передаче мундирного производства в ведение полкового начальства, а «сукна и каразен (грубая шерстяная ткань — С. К.) и прочие к тому принадлежности посылать как в кавалерские, так и в инфантерские, куда надлежит, и тот мундир делать в тех полках полковым портным мастерам»⁴¹. Портные солдаты и рекруты из мундирных канцелярий были отосланы в Военную канцелярию, где из них сформировали две роты⁴². Упомянутый указ был оглашен в 1718 г.

Нововведение вызвало неудовольствие оберштер-кригскомиссара Василия Новосильцева, который видел в нем причину «великих помешательств и остановки», объясняя несостоятельность посылки сукон в полки тем, что «сукна бывают как шириною неравны, так и в усатке сядятца неравно ж, и при отдаче порознь на все полки, чтоб как передачи, так и недадачи не учинить, а о том смотреть будет здесь трудно и некому»⁴³.

Новая система построения мундира, по-видимому, вовсе не оправдала ожиданий, и уже в следующем 1719 г. было приказано «ради нынешних походов и наступающей кампании» шить мундир по-прежнему в мундирных канцеляриях «прежними казенными портными мастерами»⁴⁴.

Интересно, что упомянутая временная мера совершенно не затронула системы обеспечения мундиром артиллеристов, и одежда для них продолжала изготавливаться в Приказе артиллерии.

В начале Северной войны штаны шьются из сукна подобно кафтану и камзолу. В 1706 г. в кавалерии были проведены первые опыты по замене суконных штанов кожаными «с целью продления срока носки мундира»⁴⁵. Уже в 1708 г. кожаные носили артиллеристы, которых было закуплено 700 пар, изготовленных из лосиных кож, по цене 1 р. 2 алт. за штаны⁴⁶. Качество импортных кожаных штанов превосходило уровень изготовления их русскими мастерами, но стоили они значительно дороже. Андрей Стельс пытался договориться с Приказом артиллерии о поставке партии из немецких кож по цене 2½ р.⁴⁷ Предложение Стельса, однако, отклонили. Было решено воспользоваться продукцией русских кожевников, тщательно отобрав соответствующие требованиям предметы. По этому поводу Я. В. Брюс писал дьяку Н. Павлову: «Известен я, что есть у вас лосиные штаны, которые будут розданы бомбардирам и пушкарям, в приеме плохи, которые не стоят и 30 алт., не токмо что по рубль по 20 алт. А ежели явятца допрямо, что оные плохи, то будут они доправлены безо всякого прекословия на вас»⁴⁸.

На шитье шли различные сорта кож: лосиные, олени, «коз дворовых и диких», бараньи, телячьи, сайгачьи. Качество готовой продукции, а вместе с тем и цены различались в зависимости от сорта выбранных на пошив кож и от качества их выделки. В 1717 г. в Померании платили по 4½ талера за лосиные штаны, по три — за козлиные и по 2½ талера за бараньи и телячьи⁴⁹.

Отдавать полное предпочтение кожаным изделиям перед суконными в артиллерии не спешили. 6 марта 1712 г. обер-комиссар Ефим Зыбин просил Я. В. Брюса прислать указание, из какого материала шить штаны для артиллеристов⁵⁰. Загруженность было вызвано тем, что «вскоре прямых лосин не достать». Поэтому вначале приступили к изготовлению ста пар суконных по цене 31 алт. 1 д., но уже в июле того же года дальнейший их пошив был остановлен и выделены средства для покупки 700 лосиных штанов по цене 1 р. 8 алт. 2 д. Таким образом окончательно отдан приоритет кожаным штанам⁵¹.

Удачный выбор материала диктовался как необходимостью сделать мундир более долговечным, так и желанием снабжать солдат вещами, удобными в поске. Материал при этом зачастую играл определяющую роль. Нередкими были нарекания в адрес изделий, шившихся из «козлин» русских мастеров, которые «от воды скорбнут и ломаются»⁵². Еще в 1719 г. качество продукции русских сукноделов было столь неудовлетворительным, что давало повод заметить: «Штаны делают в мундирной канцелярии из сукон московского дела, которых в маршах солдатам неспособны, понеже те сукна толсты и в легкое время солдатом в маршах бывает труд немалой»⁵³.

Исходя из настоятельной нужды снабдить армию долговечными и удобными в поске вещами, оберштер-кригскомиссар В. Новосильцев доносил в Военную коллегию о необходимости делать их из лосиных или оленьих кож «против нарвской и ревельской работы»⁵⁴. Несмотря на то, что штаны из указанных материалов стоили дороже козлиных, «по пропорции их достоинства» они значительно выигрывали. В. Новосильцев предлагал: «А которые лосины в деле будут толсты и в штаны негодны, то не таких по времени чтоб на кавалерию делать камзолы, и для того размножить лосиные кожевенные заводы, дабы делать на тех заводах лосины и оленины против ревельской и нарвской работы»⁵⁵.

Вскоре острая необходимость в обеспечении мундирного производства доброкачественной кожей толкнула правительство к заключению контракта с саксонскими мастерами Паулем Темпером и Антоном Шупенаксом, которые обязались в течение трех лет на Московском кожевном заводе выделывать кожи «против заморской работы» и обучить десять русских учеников «благоизученным художеством своим так, как сами в том искусны»⁵⁶. Результат этого начинания неизвестен.

Другим предметом обмундирования являлась епанча, которая долгое время в артиллерии не носилась. Только в 1717 г. «по его великого государя указу и по определению генерал-фельдцейхмейстера Брюса» было велено давать артиллеристам по суконной епанче «в три года», причем денежный вычет был увеличен с 25 до 35 коп. в месяц⁵⁷.

При пошиве первой партии артиллерийских епанчей завязывается большая переписка, имевшая целью выяснить, как должен

шиться этот предмет мундира. Основные затруднения были связаны с необходимостью твердо определить количество сукна, идущего на изготовление епанчи, а также цвет приклада. В 1719 г. обер-комиссар Е. Зыбин не решался приступить к выполнению заказа, не зная, из скольких аршин делать епанчи. В связи с этим он посылает Я. В. Брюсу письмо с просьбой дать соответствующие указания⁵⁸. Генерал-фельдцейхмейстер приказал сделать предварительный расчет. Портные мастера произвели пробный раскрой двенадцати аршин сукна, из которых получилось три епанчи разного размера, или «трех рук»⁵⁹.

При определении меры сукна, а соответственно и размера епанчи, исходили из стоимости материала и общей вычетной суммы. Сообщая Я. В. Брюсу о результатах предварительной кройки, писали: «Изволь о деле оных определить указом, а ежели оные епанчи делать в подоле в ширину больша, то против вычету превзыдет сверх вычету излишнее»⁶⁰. Генерал-фельдцейхмейстер в ответ приказал делать артиллерийские епанчи из вымеренных четырех аршин «против солдатских», по поводу чего Е. Зыбин заметил, что на изготовление солдатских епанчей сукна идет больше четырех аршин⁶¹.

Потребовалось еще немало времени, чтобы решить, из какой меры сукна делать епанчи для артиллеристов. Пришлось справляться у Мундирной канцелярии, где изготовили две образцовые епанчи «против солдатских», затем в Приказе артиллерии произвели расчет пошедшего на них сукна, его полной стоимости, а потом на основании этого определили месячный денежный вычет⁶².

Не меньше хлопот потребовал подбор материала для подкладки. На подбой определили байку, решив «пустить» ее на полы, под плечи и на обшлага. Не имея твердых указаний в отношении цвета подкладки, Зыбин предлагал Брюсу на выбор красную и синюю байку, по цене 6 алт. за аршин, продававшуюся на Сукожном дворе, и которой оказалось недостаточно — всего 370 аршин. На Сукожном дворе имелась еще и каразея, но обер-комиссар продолжил поиски необходимого количества байки в торговых рядах, где нашлась красная и васильковая байка, а также яренка, стоившие дороже продукции Сукожного двора (по 8 алт. 2 д. за аршин), но «добротой против сукожного двора лутче»⁶³.

Не решаясь взять на себя ответственность за выбор материала для подкладки, Зыбин послал Брюсу образцы с просьбой определить указом «под оные епанчи каким цветом, байкою или яренкой подкладывать», ввиду того, что «байк и яренки одного цвета набрать не можно»⁶⁴.

В ответ последовало указание генерал-фельдцейхмейстера подбивать епанчи красной байкой «лутчею рядовую», как материалу более высококачественному по сравнению с каразеей и яренкой, но в случае нехватки байки предлагалось использовать и яренку⁶⁵. При этом крайне важным представлялось не выйти за рамки сметы. Я. В. Брюс приказывал: в случае, «если мундир с тем подбоем

трехгодowego вычету не превзойдет», использовать высококачественный материал, покупая его в торговых рядах. Если же расход на его покупку мог превзойти отпущенные суммы, то приобреталась каразея, изготовленная на Сукожном дворе»⁶⁶.

Как видим, нехватка материала предопределяла и разный цвет подбоя. Та же причина приводила к тому, что цвет самих епанчей у артиллеристов мог быть различным: синим, лазоревым, васильковым.

Другим видом верхней одежды в артиллерии, использование которого носило случайный характер, были шубы. Известно о приобретении их большими партиями. Так, в 1713 г. ярославский обер-комендант отправил в армию 2000 овчинных солдатских шуб⁶⁷. За 60 овчинных шуб, купленных на артиллерию у торгового человека Гостинного двора Кузьмы Петрова дали по 6 р. 5 алт. за десяток⁶⁸, а вообще цена шубы не превышала 70 коп.

Военнослужащие снабжались шубами скорее всего для временных надобностей. Шубы даются зимой в походное время, стоящим на карауле и при исполнении некоторых поручений. Так, в 1714 г. шести солдатам Белозерского полка, стоящим в карауле, выдавалось по шубе «с роспискою»⁶⁹, а 48 солдат, работавших на о. Котлине при разгрузке бревен, снабжались шубами и рукавицами⁷⁰. В этом случае шубы выдавались из «рекрутского мундира», то есть из того платья, в котором рекрут появлялся в полку и оставлял его взамен полученного форменного обмундирования.

Другим источником обеспечения военнослужащих меховой одеждой мог являться ее пошив непосредственно в полках. В 1707 г. Б. П. Шереметевым было отдано распоряжение «для зимняго походу из авчин и из козлин сколько их есть, салдатам приказать делать душегрейки»⁷¹.

На нужды армии уходило огромное количество холста и полотна различного качества, цены и назначения. Так, в 1718 г. с.-петербургский житель Андрей Яковлев продал в Преображенский полк сто аршин парусного полотна по 3 алт. 5 д. за аршин, пошедшего на изготовление палаток⁷². В том же году приобрели 600 аршин грубого холста «хрящу» у «москвитина» Герасима Федорова по полторы копейки за аршин⁷³.

Для изготовления же солдатского белья применялся особый холст, который, в свою очередь, различался как «рубашечный и портошный». Качество первого было выше и стоил он по 5 д. за аршин, в то время, как за «портошный» холст платили за аршин по 4—5 денег⁷⁴.

Артиллерийские служители должны были иметь несколько смен белья и приобретали его самостоятельно по цене 9 алт. 2 д. — 12 алт. 3 д. за комплект. Белье могло выдаваться и из казны. В этом случае оно приобреталось на «остаточные вычетные из мундир денег» и шло к уже имевшемуся «в прибавок»⁷⁵.

Из холста могли изготавливаться и салстуки, на пошив которых употреблялись также трип, китайка и фланель. В частности, из

китайки шились галстуки артиллеристов. Дьяк Н. Павлов, которому было поручено изготовление мундира на 600 артиллерийских служителей, дважды письменно просил Я. В. Брюса прислать ему образец для пошива «галздуков»⁷⁶. Вскоре требуемый образец был послан дьяку с письмом, но понадобилось еще одно специальное разъяснение генерал-фельдцейхмейстера о возможности использовать китайку двух цветов: черного и зеленого. Здесь же Я. В. Брюс для определения вероятных изменений в стоимости всего мундирного комплекта распорядился сообщить «во что ценю те галстуки станут»⁷⁷.

Позднее галстуки приобретались артиллерийскими служителями самостоятельно и за свой счет.

Другим предметом артиллерийского мундира была шляпа, производство которой в начале XVIII в. не было широко распространено, что вело к затруднениям в заготовке головных уборов военным ведомством⁷⁸. Насколько это подтверждается фактами, можно судить по переписке, состоявшейся в 1706 г. между Я. В. Брюсом и Е. Зыбиным. Генерал-фельдцейхмейстер писал: «В Смоленску прикажи искупить, буде мочно, 500 или с 600 шляп, а буде в Смоленску купить не обыщет, и ты выбери из дворян кого доброго человека и пошли в Могилев и в Шилово и в иные города, где чаешь оные шляпы искупить»⁷⁹. Обер-комиссар, исполняя приказ, послал за шляпами в Смоленск, но необходимого количества там не оказалось. Поиск, как и следовало, продолжился в Шилово и в Могилеве, где шляпы было приказано покупать по цене от 6 алт. 4 д. до 8 алт. 2 д., «а за нужду что уже по 10 алт. шляпу, а больше той цены купить не приказано»⁸⁰. Вскоре Е. Зыбин получил сообщение от ответственных за покупку лиц с неудаче предприятия: нужного количества шляп в обоих городах «не сыскали», но и те, что имелись в продаже (100 шляп), стояли 20 алт., что даже по крайней цене (10 алт.) превышало в два раза опущенные на покупку шляп деньги⁸¹.

Между тем из Смоленска было получено сообщение, что из Вязьмы привезли 400 шляп по цене 13 алт. 2 д. На этот раз с торговыми людьми удалось договориться о продаже 150 шляп по 8 алт. 2 д. за штуку⁸². Где купили остальные шляпы — неизвестно.

С ростом производства Шляпного двора в Москве появляется возможность значительно сократить заготовку шляп прежними методами: покупкой и подрядом. Там же изготавливаются шляпы на артиллерию. В 1712 г. делались шляпы 350 артиллеристам, у «которых были кладены по краям белые нитенные плетешки, так, как позумент кладется»⁸³.

В 1710 г. в армии была введена новая форма головного убора, что обуславливалось тем, что доброкачественных шляп по-прежнему не хватало. Стали носить суконный картуз, который был проще в изготовлении и удобнее в носке.

В артиллерии картуз был введен не ранее 1715 г. и просуществовал до конца войны. Шился картуз из сукон двух цветов:

например, красного «с опушкою василковою», что соответствовало основному цвету кафтана и цвету обшлагов и воротников⁸⁴. Выдавался картуз на три года.

Кроме названных головных уборов, при несении караульной службы в зимнее время и в некоторых случаях в походной обстановке могли выдаваться шапки «из рекруцкого мундира». А для указанных надобностей и для работ военнослужащие могли снабжаться и рукавицами «с вареги» и «без варег» стоимостью от 3 алт. 2 д. до 5 алт. за пару⁸⁵.

Обувью для артиллеристов служили башмаки (смазные, тупоносые, на толстой подошве) и сапоги. По принятому положению артиллеристам полагалось по паре того и другого вида обуви в год⁸⁶.

Закупки башмаков и сапог на артиллеристов проводились отдельно от заготовок обуви для пехоты и кавалерии, что зачастую приводило к срывам поставок ввиду успешной «конкуренции» последних. Так, в 1706 г. Н. Павлов, ответственный за покупку 400 пар сапог «недорогою ценою», сообщал Я. В. Брюсу из Москвы о невозможности отправить обувь, ссылаясь на то, что «сапожные все ряды запечатаны из ратуши для такой же покупки на солдат»⁸⁷.

Сапоги «телятиновые немецкие» все-таки вскоре купили по цене 19 алт. 3 д. и послали артиллеристам в Смоленск с 12 000 гвоздей, необходимых для их подбоя⁸⁸. Одновременно посылаются и 400 пар башмаков («обувей»), купленных по 13 алт. 3 д.

Следует заметить, что ведомости отсылаемых в «поле» вещей свидетельствуют о том, что во второй половине Северной войны башмаки в артиллерии выходят из употребления и преимущественно используются сапоги.

Мундир дополняли чулки, которые большими партиями поставлялись для армии московскими торговыми людьми и подрядчиками по средней цене 8 алт. за пару⁸⁹. Несмотря на то, что в распоряжение военнослужащих поступали огромные партии чулок (по 30 тыс. пар по отдельным подрядам)⁹⁰, их, тем не менее, не хватало. Так, в 1712 г. на «докладных пунктах» В. В. Долгорукова, в которых спрашивалось о возможности применения вышедших из употребления палаток, Петр I сделал резолюцию, приказав употреблять ветхие палатки на пошив чулок⁹¹.

Есть указания на то, что уже в ходе Северной войны применяются штиблеты, что носило, однако, случайный характер, и массового изготовления их в петровское время не было. Применялись они для походных нужд. Так, в 1707 г. Б. П. Шереметев отдал распоряжение: «Из кож, которые воли биты, приказать сделать штеблеты для зимнято походу»⁹². На «штивели» могли использоваться и пришедшие в ветхость палатки⁹³.

Система обеспечения мундиром артиллерийских гарнизонных служителей была особой. Комплект их одежды определялся состоящим из следующих предметов: «...в три года по карпусу, по

кафтану и по камзолу суконному, по штанам лосиным или козлиным добрым да по сапогам телятиновым»⁹⁴. Однако сукно, шедшее на кафтан и камзол гарнизонных служителей, по сравнению с материалом мундиров военнослужащих полевых полков было худшего качества, что определялось указом строить мундиры для гарнизонных из сукон «московского дела, а из привозных заморских сукон отнюдь не делать»⁹⁵.

Сукна могли доставляться непосредственно в гарнизоны, где и шился мундир. Так, в 1707 г. пушкарским капралам и пушкарям, «обретающимся в Дерпте», велели делать строевое платье на месте, «вычитая из окладов почему надлежит»⁹⁶, а в 1710 г. сукно на кафтаны и штаны присылалось 24 пушкарям Кексгольмского гарнизона⁹⁷.

Епанчами гарнизонные артиллерийские команды вообще не снабжались, а в некоторых случаях в комплект их мундира не входил и камзол⁹⁸, что было обычным явлением в гарнизонных пехотных полках. В 1714 г. выдавалась слежда 174 драгунам, которых было приказано снабдить из «рекруцкого мундиру» кафтаном, штанами и шляпой, «а чего не достанет, по шанке», обеспечивая их «против гарнизонных Санктпетербургской губернии полков».

Доставка мундиров к месту назначения обставлялась строгими правилами, которые должны были обеспечить полную сохранность транспортируемых предметов. В 1708 г. для доставки воинской одежды служителям полевой артиллерии воспользовались присланными из Ямского приказа подрядными подводами крестьянина Федора Павлова, на которые уложили в двадцати восьми кулях пушкарское строевое платье «большой, средней и меньшей рук» — 700 кафтанов и столько же камзолов, а 689 лосиных штанов уместились в 10 кулях⁹⁹.

Подводчикам была дана детально разработанная инструкция, в которой намечался маршрут следования обоза и говорилось о том, что везти нужно «денно и ночью с великим поспешением и збережением, а на Москве на помещиковы и ни на чьи дворы с тем вышеписанным строевым платьем не заезжать и остановки никакой не учинить»¹⁰⁰.

По прибытии к месту назначения мундир сдавался полковым приемщикам, от которых подводчики для подтверждения полной и своевременной передачи мундира получали «довозное письмо за их приемщиковыми руками». Получив «довозное» письмо, подводчики были обязаны незамедлительно отправляться в обратный путь, никуда не заезжать, а по прибытии в Москву слать письмо в Приказ артиллерии «безо всякого задержания в том же месяце». Нарушение инструкции влекло за собой суровое наказание: «за то тем подводчиком от великого государя быть в смертной казни»¹⁰¹.

Во избежание подмены в пути мундир перед отправкой клеймился «государевой» печатью¹⁰². Кроме того, готовая продукция имела клеймо подрядчика, а в некоторых случаях (на кожаных

штанах) ставилась и их личная подпись¹⁰³. После клеймения мундир заворачивался в рогожные циновки, предохранявшие его от сырости. Готовые киты перевязывались веревками, концы которых печатавались, «чтоб из оного каких блуден и чему перемены не учинились»¹⁰⁴.

В дополнение к основному мундиру направлялись и образцы отсылаемых мундирных вещей, которые давали приемщикам возможность установить соответствие полученного тому, что предназначался к отсылке.

По раздаче мундиров военнослужащим последние обязаны были содержать их в чистоте и следить за сохранностью предметов обмундирования, утеря которых строго каралась. В 1706 г. был наказан шпицрутенами пушкарь Иван Репка, потерявший строевой кафтан, «напившись пьян»¹⁰⁵, а по поводу пушкаря Федора Маркова была получена сентенция: «за то, что он продал с себя в пьянстве мундир, прогнать шпицрутены чрез весь полк три раза и написать в службу попрежнему»¹⁰⁶.

Несмотря на стремление правительства обеспечить армию необходимыми предметами обмундирования, о полном благополучии в этой области говорить не приходится, о чем красноречиво свидетельствуют документы. Так, в 1705 г. А. И. Реншии сообщал царю о том, что солдаты его дивизии «гораздо обносились» сапогами, чулками, рубашками. «Денги у них есть, а купить и дорогою ценою не найдут»¹⁰⁷.

10 октября 1708 г. Г. И. Головин просил в письме к смоленскому воеводе П. Н. Салтыкову, чтобы он немедленно отправил в армию башмаки, сапоги и чулки, «понеже те обуви здесь в армии зело нужно потребны, ибо солдаты от дальних и трудных походов весьма обуви обносились, и многие делают себе обуви ис старых кож и в том принуждены ходить»¹⁰⁸.

В 1712 г. Б. П. Шереметев жаловался царю на поставку в его корпус мундирных вещей, в которых «много негодного», и о совершенной неприсылке епанчей и сапог, беспокоясь о том, что «великая вреда данному мундиру чинится, и не может тот мундир своего времени без епанеч вытерпеть». Кроме того, солдаты, не имея сапог, были вынуждены в течение десяти месяцев обходиться одной парой башмаков и «того для обосели». В связи с этим генерал-фельдмаршал высказывал опасение, что неудовлетворительное положение с обмундированием может стать причиной дезертирства: «Солдаты к сильному побегу велми принуждены будут»¹⁰⁹.

Особо ценно свидетельство самого Петра I, требовавшего у Т. Н. Стрешнева заготовлять мундир, «не мешкав», объясняя это тем, что «многие полки наги ходят»¹¹⁰.

В бедственном положении находилось обмундирование драгун, стоявших под Штральзундом, которые, по свидетельству Г. Ф. Долгорукова, «так мундиром обносились, что не токмо стыдно перед дацкими, саксонскими, но и самая нужда пришла, понеже настает

глубокая осень и стужа, что не подобно без мундиру нагим драгунам в поле или в опрошах вытерпеть»¹¹¹.

Подобное положение складывалось из-за трудностей с доставкой мундира за границу, который обычно посылался на судах, отправлявшихся из Ревеля и Риги¹¹². В тяжелом положении находились артиллеристы дивизии А. И. Репнина, воевавшей в Померании в 1717 г. Они «сильно мундиром обносились». На поиски необходимого обмундирования в Кенигсберг и Данциг посылался поручик Василий Татищев¹¹³.

Установленные для мундира сроки носки являлись завышенными. Кафтаны и камзолы выходили из строя раньше положенных трех лет. Так, в сентябре 1718 г. Я. В. Брюсу доносили, что мундир служителей полевой артиллерии, который выдавался им в последних числах 1715 г., «зело худ», то есть пришел в совершенную негодность уже за полгода до выдачи нового комплекта¹¹⁴.

Особенно плохо снабжались мундиром гарнизонные команды. Задержки в получении новой одежды были столь значительны, что вызывали серьезные опасения начальства некоторых гарнизонов. Например, Федор Балк писал из Дерпта в Приказ артиллерии о необходимости прислать платье и обувь для пушкарей и бомбардиров, которые были «зело скудны», заботясь при этом о «чести государевой», ввиду того, что Дерпт, занимая пограничное положение, был местом проезда иностранцев. «А гарнизон Дерпт,— писал Балк,— пограничной, и ест ли от иных стран посол или посланник случитца проездом в Дерпт посмотреть на них, пушкарей,— страшно зело безодежны»¹¹⁵.

Задержки с выдачей мундира случались и в других гарнизонах. Так, в Кексгольме артиллерийские служители по окончании срока службы старого обмундирования не могли получить новой одежды в течение трех лет и стали «зело наги»¹¹⁶.

В Москве, центре мундирного производства, гарнизонные служители также испытывали серьезные недостатки в солдатском платье. В 1708 г. генерал-лейтенант Р. Х. Боур доносил царю, что несколько человек из числа «имевших в мундире нужду немалую» погибли от сильного мороза¹¹⁷.

Другим недостатком в системе обеспечения армии воинской одеждой являлась неодновременная поставка различных мундирных вещей. Например, сообщалось, что «когда дача бывает кафтано́в, тогда камзолов не дают, а как камзолы дают, и тогда уже кафтаны бывают ветхи, а камзолы еще новые, или дают по половине кафтано́в и камзолов»¹¹⁸. Следствием неодновременных поставок, таким образом, была различная степень износа вещей мундирного комплекта.

Недостатки в обмундировании войск пытались уменьшить всевозможными средствами, прибегая даже к изъятию мундира у больных солдат, попадавших на излечение в лазарет. Так, в 1712 г. «разных полков урядники, солдаты, рекруты и заротные» дивизии А. И. Репнина, оставленные за болезнью в Смоленске

(всего 236 человек), лишились своего мундира, который был отдан в полки¹¹⁹.

Имеются свидетельства о том, что мундиры умерших артиллерийских служителей продолжают использоваться¹²⁰.

В конце Северной войны Военной коллегией предпринимается попытка определить степень обеспечения всей армии обмундированием, что обуславливалось настоятельной необходимостью выработать действенные меры к удовлетворению военнотружущих одеждой. Полковому начальству предписывалось провести подробный осмотр имевшихся в наличии мундирных вещей, на основании которого составлялись перечневые ведомости и табели, отсылавшиеся затем в Военную коллегию¹²¹.

Помещенная ниже таблица составлена на основании сведений, поступивших в Военную коллегию от 22 полков (Лефортовского, 1-го и 2-го гренадерских и 19 гарнизонных пехотных полков), и содержит суммированные данные о количестве годного и ветхого обмундирования, имевшегося в наличии в 1719 г., а также требующегося в добавку до полного комплекта¹²².

Из таблицы видно, что обмундирование, имевшееся в 1719 г., в указанных 22 полках составляло лишь 34,5 % от установленной нормы. В это количество, кроме того, входили вещи изношенные и требующие замены, которые составляли 20 % от имевшихся в наличии. Особенно трудным представляется положение с обувью, чулками и бельем, быстро выходящими из строя, и лучше, чем со всем прочим, обстояло дело с кафтанами. Камзолов требовали мало, ввиду того, что подавляющее большинство гарнизонных полков этого предмета обмундирования вообще не имело.

Наименование предметов	Годных	Ветхих	Требующихся в добавку
Кафтано́в	19 643	4 615	4 380
Камзолов	2 642	—	2 546
Штанов	16 385	3 706	8 591
Еланчей	20 718	3 689	4 281
Гренад. шапок	2 409	—	1 85
Картузов	12 585	5 639	5 248
Шляп	2 514	—	110
Галстуков	13 654	5 009	10 023
Сапог (пар)	104	—	28 584
Банмаков (пар)	5 205	—	23 483
Чулоч	879	—	55 497
Рубах	9 323	—	48 053
Порток	1 206	—	56 080

Указанные данные можно с успехом распространить на положение с воинской одеждой у артиллерийских служителей, однако необходимо учитывать, что рапорты полкового начальства, посылавшиеся в Военную коллегию, нередко сгущали краски, поэтому трудно определить, в какой мере они обеспечивают точность оцен-

ки степени обеспечения всей армии обмундированием на протяжении всего периода Северной войны. Ясно одно: значительные трудности в области снабжения армии воинской одеждой имелись.

Трудно выделить главную причину неудовлетворительного снабжения армии одеждой. Несомненно, постоянные финансовые затруднения играли немаловажную роль, хотя имелись и другие факторы, неблагоприятно влиявшие на всю организацию мундирных заготовок. Малознакомым и непривычным для легкой промышленности России оказалось дело бесперебойного снабжения огромной армии предметами обмундирования, производство которых еще не было освоено. Вся система снабжения едва созданной регулярной армии требовала постоянного совершенствования, где к положительным результатам вел трудный путь проб и ошибок.

Организация мундирного довольствия русских артиллеристов — иллюстрация процесса постепенного становления всей системы интендантской службы русской армии, где едва ли не каждый вопрос подвергался в течение Северной войны неоднократным изменениям, будь то способ надления одеждой рекрут или изготовление нового предмета обмундирования, что постоянно вело к поиску наиболее оптимальных форм, отвечающих запросам и нуждам петровского солдата.

Думается, что обращение к данной теме позволяет современному читателю не только удовлетворить простое любопытство, но и открыть для себя малоизвестную страницу военного быта старой русской армии, зарождение важных войсковых традиций, без которых невозможно выполнение воинского долга.

Примечания

¹ Н. И. Соловьев. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск. СПб., 1900.

² О производстве и заготовлении мундира пишут: Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953; А. И. Юхт. Русская промышленность и снабжение армии обмундированием и амуницией // Полтава (к 250-летию сражения). М., 1959.

³ ПСЗ, т. III, № 1560.

⁴ Там же.

⁵ Там же, т. IV, № 2036.

⁶ Там же, № 2390.

⁷ Доклады и приговоры Сената. СПб., 1882, т. II, ч. I, с. 51.

⁸ Материалы для истории Гангутской операции, вып. II, Пг., 1915, с. 336.

⁹ Там же.

¹⁰ Доклады и приговоры Сената, СПб., 1882, т. II, ч. I, с. 51.

¹¹ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 253, л. 270-об.

¹² Там же, д. 202, л. 522.

¹³ Там же, д. 6, л. 420.

¹⁴ Там же, д. 253, л. 270-об.

¹⁵ Там же, д. 240, л. 257.

¹⁶ Там же, д. 202, л. 235.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 12, оп. 1/60, св. 3, л. 43.

¹⁸ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 252, л. 257.

¹⁹ Там же, д. 217, л. 180-об.

²⁰ Там же, д. 232, л. 257.

²¹ ЦГАДА, ф. 26, оп. 1, д. 3446, л. 1—29.

²² Н. Е. Бранденбург. Материалы по истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876, с. 223.

²³ ЦГВИА, ф. 12, оп. 1/60, св. 3, л. 205.

²⁴ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 37, л. 704.

²⁵ Там же, д. 33, л. 638.

²⁶ Там же, л. 743.

²⁷ Там же, д. 242, л. 274.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, л. 180-об.

³⁰ Там же, д. 3, л. 368.

³¹ А. И. Юхт, указ. соч., с. 213.

³² АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 37, л. 705.

³³ Там же, д. 37, л. 704.

³⁴ Там же, л. 369.

³⁵ Там же, д. 163, л. 76.

³⁶ Там же, д. 37, л. 369.

³⁷ Доклады и приговоры Сената, т. VI, ч. II, СПб., 1882, с. 726.

³⁸ ЦГВИА, ф. 12, оп. 1/60, л. 27-об.

³⁹ А. И. Юхт, указ. соч., с. 213.

⁴⁰ Н. Е. Бранденбург, указ. соч., с. 224.

⁴¹ ПСЗ, т. V, № 3186.

⁴² ЦГВИА, ф. 12, оп. 1/60, св. 1, л. 28.

⁴³ Там же, л. 27-об.

⁴⁴ Там же, л. 47.

⁴⁵ А. И. Юхт, указ. соч., с. 214.

⁴⁶ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 40.

⁴⁷ Там же, д. 38, л. 658.

⁴⁸ Там же, л. 383.

⁴⁹ Там же, д. 217, л. 163-об.

⁵⁰ Там же, д. 147, л. 324-об.

⁵¹ Там же, л. 341.

⁵² ЦГВИА, ф. 12, оп. 1360, св. 3, л. 571.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, л. 581.

⁵⁷ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 230, л. 206.

⁵⁸ Там же, д. 240, л. 74.

⁵⁹ Там же, д. 232, л. 207.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, д. 240, л. 93.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, д. 232, л. 110-об.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, л. 221-об.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 26, оп. 2, д. 141, л. 83.

⁶⁸ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 223-об.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 26, оп. 1, ч. 2, д. 4792, л. 275.

⁷⁰ Там же, д. 5260, л. 6.

⁷¹ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 33, л. 133-об.

⁷² Там же, д. 234, л. 33.

⁷³ Там же, л. 71-об.

⁷⁴ Там же, л. 4.

⁷⁵ Там же, л. 28.

⁷⁶ Там же, д. 9, л. 345, 347.

⁷⁷ Там же, л. 428.

⁷⁸ А. И. Юхт, указ. соч., с. 220.

- ⁷⁹ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 9, л. 184.
⁸⁰ Там же, л. 226.
⁸¹ Там же, л. 198.
⁸² АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 9, л. 199.
⁸³ Там же, д. 147, л. 324-об.
⁸⁴ Там же, д. 230, л. 206.
⁸⁵ Там же, д. 234, л. 4.
⁸⁶ Там же, д. 202, л. 522.
⁸⁷ Там же, д. 9, л. 3796.
⁸⁸ Там же, л. 383.
⁸⁹ Там же, д. 234, л. 28.
⁹⁰ А. И. Ю х т, указ. соч., с. 218—219.
⁹¹ П. и Б. (Письма и бумаги Петра Великого), т. 12, вып. 2, с. 273.
⁹² АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 33, л. 143-об.
⁹³ П. и Б., т. 12, вып. 2, с. 273.
⁹⁴ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 240, л. 196.
⁹⁵ ЦГВИА, ф. 12, оп. 1/60, св. 3, л. 43.
⁹⁶ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 33, л. 743.
⁹⁷ Там же, д. 240, л. 163-об.
⁹⁸ ЦГАДА, ф. 26, оп. 1, ч. 2, д. 5260, л. 43.
⁹⁹ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 37, л. 369.
¹⁰⁰ Там же.
¹⁰¹ Там же.
¹⁰² Там же, д. 240, л. 36.
¹⁰³ Там же, л. 99-об.
¹⁰⁴ Там же, д. 32, л. 36.
¹⁰⁵ Там же, д. 32, л. 662.
¹⁰⁶ Там же, д. 243, л. 146.
¹⁰⁷ П. и Б., т. 3, с. 710.
¹⁰⁸ Там же, т. 8, вып. 2, с. 452.
¹⁰⁹ Там же, т. 12, вып. 2, с. 233.
¹¹⁰ Там же, т. 9, вып. 1, с. 160.
¹¹¹ Там же, т. II, вып. 2, с. 411.
¹¹² АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 202, л. 144.
¹¹³ Там же, д. 217, л. 161-об.
¹¹⁴ Там же, д. 232, л. 189-об.
¹¹⁵ Там же, д. 33, л. 563.
¹¹⁶ Там же, д. 240, л. 163-об.
¹¹⁷ П. и Б., т. 9, с. 620.
¹¹⁸ Сборник военно-исторических материалов, вып. III, СПб., 1893, с. 1.
¹¹⁹ Доклады и приговоры Сената, т. IV, ч. II, с. 279.
¹²⁰ АВИМАИВ и ВС, ф. 2, оп. 1, д. 232, л. 243.
¹²¹ Сборник военно-исторических материалов, вып. III, с. 1.
¹²² ЦГВИА, в. 12, оп. 1/60, св. 5, л. 982, 983.